Р. Загора

КОНТАКТЫ ЛЮДОВИТА ШТУРА С УЧЕНЫМИ И МЫСЛИТЕЛЯМИ РОССИИ

Людовит Штур родился 28 октября 1815 г. в семье учителя Самуэля Штура в Угровце. Во время обучения в евангелической гимназии в городе Рабе молодой Штур благодаря профессору Петцу знакомится с миром славянства, пробудившим в нем большой интерес. После двух лет обучения в гимназии Людовит отправляется на учебу в Братиславу в евангелический лицей, где существовала единственная в то время в Венгерском королевстве кафедра чешско-словацкого языка и литературы. В 1835 г. он становится заместителем председателя «Чешско-словацкого общества», основанного в 1828/1829 учебном году. В числе главнейших задач, которые общество ставило перед собой, было не только изучение родного языка, но и изучение истории славянских народов[1].

Как свидетельствуют многочисленные источники, к России и русскому народу Л. Штур относился всегда с большим уважением и симпатией, изучал русский язык и старательно собирал русские книги.

Сохранилось письмо, написанное Л. Штуром его другу Болеславу Врховскому, где, в частности, говорится:

> « ...скажи нашему дорогому брату русскому, которого учишь по-чешски, чтобы он нам какую-нибудь песню народную русскую послал, чтобы мы знали народные во всех наречиях, сердечно попросим, чтобы мы и русским братьям нашим петь могли, и передай ему от меня горячий братский привет»[2].

По мнению словацкого ученого Владимира Матулы, этим русским знакомым Врховского был Виктор Порошин, который является автором стихотворения о славянах «Глас соплеменника к доблестному Юношеству Славянскому»[3].

---

[1] *Матула В.* Людовит Штур. Братислава, 1956. С. 18–23.
[2] Listy Ľudovita Štura / Vyd. J. Ambruš. Bratislava, 1954. D. I. S. 37–38.
[3] *Matula V.* Štur a Slovanstvo // Ľudovít Štur (1815–1856). Bratislava, 1956. S. 370.

После студенческих волнений в 1837 г. правительство запрещает все студенческие сообщества, в том числе и «Чешско-словацкое общество»[4]. В 1838 г. Л. Штур поступает в университет в городе Галле[5].

По дороге в университет Штур останавливается в Праге, где знакомится с Осипом Максимовичем Бодянским. Предположительно, Бодянский и есть тот московский профессор, о котором говорится в письме Л. Штура Цтибогу Зоху, написанном 26 декабря 1837 года[6].

Осип Максимович Бодянский был одним из кандидатов Министерства народного просвещения России, которые должны были после окончания учебных поездок по славянским странам занять должности на новооткрываемых кафедрах славянских языков и литератур в российских университетах. Бодянский уже в 1837 г. издал диссертацию «О народной поэзии славянских племен», с которой был знаком и Штур[7]. На память о встрече Людовит Штур записал русскому слависту одиннадцать песен-думок[8].

Осип Максимович посетил и братиславский лицей, который произвел на него очень хорошее впечатление. В своем письме М. П. Погодину Бодянский рекомендовал посетить это учебное заведение и оказать ему поддержку. После возвращения из путешествия Бодянский не перестал интересоваться словацким языком. Московский университет, где Бодянский занял кафедру истории и литературы славянских наречий, стал одним из первых, где начал преподаваться словацкий язык. Обладая большими способностями к иностранным языкам, российский славист сумел овладеть словацким на высоком уровне[9]. В своем письме, отосланном Штуру 29 мая 1843 г. через В. Ганку, Бодянский рассказывает о намерении преподавать словацкий язык и просит оказать помощь в собирании словацких народных песен для сборника[10]. Их переписка и обмен книгами продолжались до конца жизни Штура: последнее известное письмо, адресованное Бодянскому, написано Штуром в июне 1855 года[11] — за семь месяцев до гибели словацкого мыслителя.

Период учебы в Галле был очень важным в жизни Штура — здесь он, кроме повышения своего образования и близкого знакомства с жизнью лужицких сербов, встречается с русскими славистами, направленными в земли, населенные славянами, с целью изучения славянских языков — Петром Ивановичем Прейсом, а также Измаилом Ивановичем Срезневским, научное сотрудничество с которым длилось долгие годы. Знакомство с Измаилом Срезневским состоялось зимой 1839/1840 г. во время трехмесячного пребывания русского слависта в Галле[12]. В том же году Л. Штур встречается с П. И. Прейсом.

---

[4] *Golan K.* Ľudovít Štur a slovenske narodne hnutie v tridsiatych rokoch 19. storočia // Ľudovít Štur (1815–1856). Bratislava, 1956. S. 33.

[5] Ibid. S. 38.

[6] Listy Ľudovíta Štura / Vyd. J. Ambruš. Bratislava. 1954. D. I. S. 131–133.

[7] Ibid. S. 582.

[8] Listy Ľudovíta Štura / Vyd. V. Matula. Bratislava, 1999. D. IV. S. 182.

[9] *Stanislav J.* Z rusko-slovenskych kulturnych stykov v časoch Jana Holleho a Ľudovíta Štura. Bratislava, 1957. S. 30–31.

[10] Listy Ľudovíta Štura / Vyd. J. Ambruš. D. I. S. 618–620.

[11] Listy Ľudovíta Štura / Vyd. V. Matula. D. IV. S. 55–57.

[12] Ibid. S. 214.

Прейс в письме к М. С. Куторге вспоминает славян из Венгрии, которых встретил в Галле:

> «Совсем неожиданной была для меня встреча с двумя венгерскими словаками в Галле, встреча, которая была для меня очень полезной, когда я получил предварительную информацию о стране, в которую мне предстоит скоро отправиться. Не поверишь, как меня радовало, что я их в целом понимал, когда они разговаривали по-чешски. Звуки этого языка я слышал первый раз в жизни. Немало их удивило мое замечание, когда я обратил внимание на нечешские особенности их языка. Говорят более словацким, нежели чешским наречием» [13].

Одним из упомянутых П. И. Прейсом словаков мог быть Л. Штур[14]. Именно через Прейса Штур послал письмо Срезневскому 16 июля 1840 года. Штур также напишет рекомендательное письмо на имя проживавшего в Праге врача и философа Карола Славоя Амерлинга, в котором русский славист представлен как «проф. Прейс, сейчас по поручению русского правительства в страны славянские с целью изучения всех наших наречий путешествующий». В этом письме Штур просит помочь русскому ученому встретиться с П. Й. Шафариком и находившимся в то время в Праге Срезневским[15]. Как об этом свидетельствует переписка Прейса со Срезневским, Петр Иванович очень симпатизировал Штуру и обрадовался получению им разрешения у австрийских властей издавать газету на словацком языке[16].

В 1841 г. Срезневский прибывает на территорию Словакии и вновь встречается со Штуром, с которым «побратался» на всю жизнь[17]. Еще задолго до поездки в Словакию Срезневский интересовался словацким народным творчеством — в 1832 г. вышла его публикация «Словацкие песни» (64 страницы), в которую вошли песни, собранные у словацких продавцов и ремесленников, которых он встречал на Украине[18]. На территории Словакии русский ученый находился с 19 марта по 12 июня 1842 года, путешествуя главным образом пешком и на лошади[19]. В Братиславе он посещает евангелический лицей и слушает лекции Штура, что впоследствии помогло ему при составлении собственных лекций по славистике[20].

Заслуживает внимания письмо Срезневского Штуру, написанное по-русски буквами чешского алфавита: «Милый мой друг и брат Людовит!.. Тяжко оставаться одному, привыкши к избранному кругу. Горестно, грустно было мне говорить всем в последний раз "прощайте" в Братиславе, но тогда со мной оставался еще милый брат Миша. Тут я... остался совершенно один...» [21].

Так же, как и Бодяиский, Срезневский получал письма от Штура до конца жизни последнего. После возвращения в Россию Срезневский, по-видимому, не отвечал на письма Штура, но регулярно посылал ему книги и другие публикации и передавал приветы через М. Ф. Раевского[22].

---

[13] Цит. по словацкому переводу: *Malevic O.* Znalosti ruskej predrevolučnej spoločnosti o Ľudovitovi Štúrovi // Z dejín československo-slovanskych vzťahov. Bratislava, 1959. S. 342–343.

[14] Ibid. S. 343.

[15] Listy Ľudovíta Štúra / Vyd. J. Ambruš. D. I. S. 183–184.

[16] *Malevic O.* Op. cit. S. 343.

[17] *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 472.

[18] *Stanislav J.* Op. cit. S. 32.

[19] *Кишкин Л. С.* Словацко-русские литературные контакты в XIX веке. М., 1990. С. 40–41.

[20] *Досталь М. Ю.* Указ. соч. С. 99–100.

[21] *Кишкин Л. С.* Указ. соч. С. 45.

[22] Listy Ľudovíta Štúra / Vyd. V. Matula. D. IV. S. 215.

В 40-е годы XIX в. перед словацкой интеллигенцией остро стоял вопрос о литературном языке. Словацкая католическая интеллигенция использовала так называемую «бернолаковщину», основой которой являлся западнословацкий диалект, лютеране же — «библейский чешский», в который вносились словацкие слова. Термин «библейский чешский» возник в связи с тем, что в богослужениях они использовали чешский перевод Библии. Как пишет В. Матула:

> «для словацкого национального движения типичен его "языковой" характер, обусловленный отнюдь не только политикой национального гнета и насильственной ассимиляции, проводимой венгерскими господствующими классами, но, прежде всего, задачами и потребностями самого процесса формирования словацкой нации и национально-освободительного движения в период национального возрождения. Без преувеличения можно сказать, что языковой вопрос — и не только в смысле защиты и отстаивания языковых прав, но и в смысле создания общенационального литературного языка — является кардинальным вопросом всего словацкого национального возрождения. Борьба за общенациональный литературный язык играла в условиях известного языкового дуализма, существовавшего после языковой реформы А. Бернолака в конце XVIII века, важную роль в процессе объединения двух лагерей в национальном движении — католического и протестантского. Дело в том, что каждый из этих лагерей развивал свою собственную национально-политическую концепцию, исходившую не только из разных литературных языков, но и разных представлений о словацком народе как части славянского целого»[23].

В связи с тем, что существовала необходимость принятия единой национальной идеологии, которая бы подняла национальное самосознание словацкого народа на новый, более высокий уровень, был необходим новый общенациональный язык как один из основных признаков самобытности. Вместе с этим, по мнению Штура и его соратников, было необходимо ликвидировать языковый барьер между словацкой интеллигенцией и массами народа, пробудив их к активной деятельности. Общенациональный язык рассматривался идеологами и руководителями словацкого национального движения как важный фактор, который поможет сплотить нацию.

Это должно было помочь преодолеть такие проблемы словацкой действительности в тот исторический период, как отсутствие единого национального городского центра, административная и культурная изолированность отдельных областей из-за слаборазвитых коммуникаций. Принятие нового литературного языка в качестве общенационального должно было способствовать не только развитию литературы, но и успешной борьбе за языковое и национальное равноправие словаков. Язык, таким образом, воспринимался как важное идеологическое средство консолидации народа. Кроме того, это означало выделение словаков из чехо-словацкой литературно-языковой общности, из колларовской «чешско-словацкой» ветви славянского народа[24].

Таким образом, словаки объявлялись особой нацией, а не чешским меньшинством в Венгерском королевстве. Тем не менее это не должно было, по мнению Штура, привести к расторжению близких чешско-словацких отношений и не означало отказа от взаимной поддержки[25]. Развитие славянства должно было идти через развитие отдель-

[23] *Матула В.* Характеристика процесса формирования нации у словаков // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отдельный оттиск. М., 1981. С. 88.

[24] *Матула В.* Характеристика процесса формирования нации у словаков. С. 88–89.

[25] *Dubnicky J.* K problematike verejnej a politickej činnosti Ľudovita Štura v rokoch 1840–1849 // Ľudovít Štur (1815–1856). Bratislava, 1956. S. 52–53.

ных славянских народов, причем право на самобытное национальное существование признается за всеми славянскими народами[26].

Новый литературный язык Штур решил создать на базе центральнословацкого диалекта. Свои аргументы в пользу нового языка он изложил в работе «Словацкий язык или необходимость писать на этом языке». В вопросе кодификации словацкого языка словацкий деятель нашел однозначную поддержку и у Бодянского[27], и у Срезневского (правда, стоит отметить, что Срезневский впоследствии пересмотрел свое отношение к словацкому языку)[28]. Это вызвало обвинения со стороны некоторых представителей чешской интеллигенции в адрес русских славистов в том, что именно они убедили Штура сделать такой шаг.

Одним из них был К. Гавличек, опубликовавший статью «Славянин и чех». П. И. Шафарик, который не раз информировал Бодянского о происходящем в Словакии и Чехии и который также отрицательно относился к новому словацкому языку, писал русскому слависту 19 июня 1846 года, имея в виду статью Гавличка: «Между словаками и чехами наступило расторжение и раздвоение в литературе и острые столкновения — пером и чернилами, не мечом и кровью к счастью...». При этом Шафарик отмечал, что вину приписывают Бодянскому, Срезневскому и, уже покойному в то время, Прейсу. Сам Шафарик не был согласен с этим мнением, называя его смешным. Сохранился черновик ответа Бодянского, где сказано: «все это ложь, что говорят обо мне и других в деле разделения словаков и чехов»[29].

Учитывая большой авторитет России и российской науки в кругу славянской интеллигенции, противники нового словацкого языка пытались настроить против Штура находившегося в то время в Праге М. П. Погодина. Однако эти попытки оказались безуспешными. Погодин решил лично встретиться с Людовитом Штуром и обсудить этот вопрос. С этой целью он отправился в Братиславу и, хотя встреча не состоялась, поскольку Л. Штур был в отъезде, Погодин, тем не менее, отказался его осудить, высказав уверенность в том, что у Штура должны были быть на это уважительные причины[30].

Как свидетельствуют многочисленные источники, Л. Штур старался оказать всестороннюю помощь русским славистам в изучении и преподавании словацкого языка. В свою очередь русскому языку Л. Штур отводил особую роль в системе славянских культурных взаимоотношений. Многочисленность славянских литератур, по его мнению, тормозит взаимопонимание и развитие духа, соответственно необходим общий литературный язык[31]. В своем известном трактате «Славянство и мир будущего» словацкий мыслитель написал следующее:

> «У славян много литератур, но будут ли они способны из-за их малости отвечать большим требованиям человеческого развития, когда они выйдут на мировую арену? В сравнении с западными литературами, с немецкой, французской, английской, все наши литературы за исключением русской — маленькие и не очень значительны, не исключая и чешскую литературу. Пока будут славянские племена раздроблены, не будет у

[26] *Матула В.* Характеристика процесса формирования нации у словаков. С. 89.
[27] Listy Ludovita Štura / Vyd. V. Matula. D. IV. S. 267.
[28] Ibid. S. 270.
[29] *Malevic O.* Op. cit. S. 347.
[30] Listy Ľudovíta Štura / Vyd. J. Ambruš. D. II. S. 411–412.
[31] *Štur Ľ.* Slovanstvo a svet buducnosti. Bratislava, 1993. S. 173.

них возможности достичь чего-нибудь значительного, потому что какое поднятие духа, какие средства бы могли предоставить эти отдельные литературы на маленькой площади, которая им предоставлена, как далеко бы они могли продвинуть развитие человечества? Взаимность славян хотя и заслуживает уважения и похвалы, но это только маленькая компенсация в нужде, и она никогда не будет способна всецело охватить жизнь всех племен. У славян есть серьезная причина создать единую литературу — это их человеческая, политическая, историческая обязанность» [32].

По мнению Штура, выбирать в таком случае можно только между старославянским и русским языком[33]. Однако, пишет он, старославянский «как таковой уже исчез и практически мертв, он не настолько гибкий и не имеет взлет живого языка, поэтому остается только русский язык как единственный способный исполнять такое послание» [34].

Командировками русских славистов в 1838–1842 гг. путешествия представителей российской интеллигенции по славянским странам не закончились. В 1845 г. киевский чиновник Николай Ригельман вместе с жившим в Вене Вуком Караджичем приезжает в Братиславу (Пресбург) и знакомится с Л. Штуром. Ригельман пишет, что со Штуром они проговорили весь день. На прощание Штур дал русскому путешественнику рекомендательное письмо, адресованное Людевиту Гаю (хорватскому журналисту и идеологу иллиризма):

«В Братиславе 1845 дня 30/4. Высокоуважаемый господин! Господин Николай Аркадьевич Ригельман, широко образованный русский, путешествует по славянским странам с замыслом познавать наши страны, наши западные племена. Для него очень важна славянская наука, он убежден, что Вы ему в этом благородном деле поможете, осмелюсь рекомендовать его любезности Вашей и патриотизму Вашему. Он со своей стороны также искренне желает познакомиться с Вами. Будьте любезны рекомендовать его там Вашим землякам, которые занимаются наукой. В остальном к Вашим услугам остаюсь Ваш искренний почитатель Людовит Штур»[35].

На другой день Ригельман встречается в Пеште с другим словацким «будителем» Яном Колларом и через Воеводину и Сербию приезжает в Загреб, откуда вновь возвращается в Вену. Прожив здесь два месяца, он снова едет в Словакию (посещает Братиславу, Середь, Нитру, Банскую Штявницу, Банскую Быстрицу, Липтовский Микулаш и Дольный Кубин)[36]. Адрес Штура Ригельман сообщает славянофилу Федору Чижову, который в 1841–1845 гг. тоже путешествовал по славянским странам. По словам И. Симоновой,

«Изучая духовную жизнь зарубежных славян, обнаруживая на конкретных примерах родство общеславянских культурных традиций, Чижов заинтересовался вопросами политического бытия этих народов и их участием в национально-освободительном движении. Факты притеснения славян со стороны австрийских и турецких властей, встречи с политическими и общественными деятелями славянского возрождения ("будителями") и простым народом заставили Чижова увлечься славянским национальным движением и порой принимать в нем самое непосредственное участие. "Я всею

[32] Ibid. S. 173.
[33] Ibid. S. 173.
[34] Ibid. S. 173.
[35] Listy Ľudovíta Štura / Vyd. J. Ambruš. D. II S. 365.
[36] Ibid. S. 365.

душою отдался славянскому вопросу; в славянстве видел зарю грядущего периода истории; в нем чаял перерождения человечества", — вспоминал он о том времени. Убеждения, близкие к славянофильским, развившиеся у Чижова самостоятельным путем, привели его в 1845 г. в кружок московских славянофилов»[37].

Чижову были нужны корреспонденты (он задумал выпускать с 1848 г. еженедельный журнал православного, русского направления «Русский вестник», собираясь противопоставить его «западническим» петербургским журналам)[38], а у Штура уже был небольшой опыт работы в российской прессе — в журнале «Денница» вышла его работа о лужицких сербах[39]. В своем дневнике Чижов так описывал встречу со Штуром:

«Часов в девять утра или около того мы были в Пресбурге. Издали показался опустелый замок на высоте, господствующий над городом... Для меня Пресбург был жилищем Штура... Я приехал в воскресенье: пока прибрался, пока оделся, было уже около одиннадцати... Штур живет в конце города; отыскивая его, я часто заходил не туда, и это доставляло мне случай видеть город более, нежели как я надеялся. Прихожу к Штуру: нахожу в первых комнатах столько молодых людей: один пишет, другой читает корректуру — все за работой. В другой комнате он сам полулежа читает какую-то немецкую книгу... По одному слову: "я русский", я был встречен им с дружеским пожатием руки и с просветлевшим взором»[40].

«В Штуре, — писал Чижов, — я нашел самого даровитого и умного из всех... славянских писателей; Штур понимает славянство в современном его виде... Странно, что идя совершенно иными путями в ходе мышления, воспитываясь под совершенно различными обстоятельствами и влияниями, мы беспрерывно сходимся с ним на одних заключениях»[41].

Стоит отметить, что сохранилось письмо Штура от 15 декабря 1850 года, адресованное И. И. Срезневскому, в котором словацкий деятель просит передать привет Чижову, а также Надеждину (известно, что в 1840–1841 гг. по странам Европы, в том числе и Австрии, путешествовал журналист и профессор Московского университета Николай Иванович Надеждин, поэтому не исключена их встреча в это время) и Панову (предположительно, уже покойному в то время, Василию Алексеевичу Панову — русскому славянофилу, который путешествовал по славянским странам в 1842 г.)[42].

Основать всеславянский журнал не удалось в связи с разоблачением Кирилло-Мефодиевского общества; Ригельман и Чижов были арестованы[43]. На границе был также задержан отправлявшийся в познавательную поездку к австрийским славянам П. А. Кулиш, который вез с собой письма Н. А. Ригельмана Л. Штуру и В. Ганке[44].

Во Всеподданнейшем докладе императору шефа жандармов графа А. Ф. Орлова было сказано:

«В Париже... Мицкевич, в землях западных славян Шафарик, Ганка, Штур, Гай и другие знаменитые ученые... убеждают славян нашего поколения соединиться в одно

[37] *Симонова И.* Заговорщики // www.rusk.ru/st.php?idar=110295 (последнее посещение 22 января 2007 г.)
[38] Listy Ľudovita Štura / Vyd. V. Matula. D. IV. S. 246–247.
[39] Listy Ľudovita Štura / Vyd. J. Ambruš. D. I. S. 556.
[40] Цит. по: *Кишкин Л. С.* Указ. соч. С. 192–193.
[41] Цит. по: *Симонова И.* Указ. соч.
[42] Listy Ľudovita Štura / Vyd. J. Ambruš. D. II. S. 236–238, 491–492.
[43] *Симонова И.* Указ. соч.
[44] Listy Ľudovita Štura / Vyd. V. Matula. D. IV. S. 245.

патриархальное, народно-представительное государство. Славянские идеи проникли в Россию. Особенно в Москву. Там многие молодые люди называются и сами именуют себя славянофилами... Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они нередко заставляют сомневаться, не кроются ли под их патриотическими возгласами... противные нашему правительству цели. Киевские ученые пошли еще далее и составили... общество святых Кирилла и Мефодия, присоединяя к ученым рассуждениям политические...»[45].

Раскрытие Кирилло-Мефодиевского общества способствовало тому, что 27 мая 1847 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым был написан и разослан попечителям Московского, Петербургского, Харьковского и Киевского учебных округов циркуляр, разъяснявший официальную точку зрения на славянофильство в связи с делом кирилло-мефодиевцев[46].

В революционном 1848 г. Людовит Штур знакомится с Михаилом Александровичем Бакуниным, который приезжает на Славянский съезд в Прагу. Штур выступил с идеей всеславянской федерации внутри Австрийской империи как промежуточного шага на пути создания самостоятельной общеславянской федерации. Эта идея была поддержана на съезде и Бакуниным[47]. В связи с революционными событиями, происходившими во время съезда, делегаты вынуждены были его преждевременно прекратить. В это время между Бакуниным и словацкими деятелями возникает договоренность о его участии в словацком восстании. Однако после отъезда из Праги в Саксонию Бакунин не спешит участвовать в австрийских событиях[48].

Из-за опасений усиления национального гнета со стороны венгров в случае их успеха в конфликте с Веной Л. Штур и другие славянские деятели начинают сотрудничать с австрийскими властями. В 1849 г. при аресте Бакунина полиция Саксонии находит письмо Штура[49], написанное по-русски латинскими буквами (в тексте, однако, используется много слов и оборотов из других славянских языков):

«Brat: Vcera mi skazal Lubomirsky sto Ty do nego pisal sto choces poznat kak teper stojim. My ocen ljubopittivi byli soznat gde Ty teper: dla cego neidej k nam kak Ty obescal. V Zagrebe ozidali Tebja s neuzterpeniem, no kak Tebja ne bylo, dumali sto se Ti sto ni bud neugodnago sbilo i bojalis. Slava Bogu sto ne tak. Teper izvestujem Teba sto my sich dnei otchodim iz Viena do Karpat k poznatomu delu gde tcba budem ozidat kak Ty to obescal. Pridi na zemlju Slavjanskuju, a ostaw Nemcew. Mnogo dumajut na Teba vse kotory posnali Teba. Do svidanja, kak nadcjus, do svidanja. Tvoj brat L.»[50].

Получение этого письма Бакунин подтвердил и в своем послании императору Николаю I «Исповедь», написанном в тюрьме. Следует отметить, что в своей «Исповеди» Бакунин категорически отвергает, что ответил Штуру на письмо, объясняя это тем, что не знал его адрес[51]. Однако среди бумаг Бакунина нашелся ответ Штуру:

«Брат, что делаете вы! Вы губите славянщину. Вы позабыли, вы жертвуете великое дело славян и действуете только в пользу Императора и австрийской аристократии.

---

[45] Цит. по: *Симонова И.* Указ. соч.

[46] *Симонова И.* Указ. соч.

[47] *Рокина Г. В.* Словаки на славянском съезде в Праге в 1848 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 36.

[48] Listy Ľudovíta Štúra / Vyd. J. Ambruš. D. III. S. 182.

[49] Ibid. S. 182.

[50] Ibid. S. 57.

[51] Ibid. S. 241.

Вы думаете, что дипломатия спасет вас, она вас погубит. Вы объявили войну революции, вы служите реакции, вы кладете бесчестие на всю Славянщину»[52].

На допросе свой отказ участвовать в восстании Бакунин объясняет потерей доверия к бану Елачичу, а также тем, что восстание потеряло, по его мнению, свое славянское начало[53].

После поражения венгерской революции, австрийские власти не только не выполнили обещания, данные словакам, но и установили над Штуром и другими деятелями национального движения полицейский надзор. Вначале он живет в своем родном Угровце, но после смерти брата — Карола Штура в 1851 г. переезжает в город Модра воспитывать его семерых осиротевших детей[54].

В 1844 г., находясь в рабочей поездке в Вене (Штур хлопотал о разрешении выпускать газету на словацком языке), словацкий патриот знакомится с протоиереем Михаилом Федоровичем Раевским — священником при русской дипломатической миссии в Вене, который стал ему большой опорой в последние годы жизни[55].

Личность Раевского произвела на Людовита Штура огромное впечатление, о чем свидетельствует письмо от 9 декабря 1844 года:

«Высокопочитаемый Господин! Не могу Вам сказать, какое впечатление Вы, Ваша великая любовь к вещам нашим, сделали на меня. Теперь уже приправлен в дорогу не могу отойти отсюда, чтоб неоткрыл Вам еще мое глубокое почитание и мою любовь к Вам. Прощайте, батюшка, прощайте! — Я забыл еще написать Вам что Вы желали: Вараждин в Вараждинком комитате в Кроации дня 15 октября. Вы знаете уже об этом? Может быть, що я опять в короткое время приеду к Вам; мы мало, очень мало говорили. Прощайте, батюшка! Я остаюсь Ваш Искренний почитатель Людевит Ш.»[56].

Несмотря на то, что следующее известное письмо Штура, адресованное Раевскому, написано в сентябре 1851 года, можно с уверенностью утверждать, что их контакты в период 1845–1851 гг. не прерывались. Именно через о. Раевского были отосланы письма Штура Срезневскому и Бодянскому. Кроме того, Иосип Праус в своем письме М. Ф. Раевскому от марта 1852 г. вспоминает о встрече со Штуром у Раевского в декабре 1850 года[57].

Кроме пересылки книг и писем, Штур и Раевский сотрудничали в образовании славянской молодежи. Л. Штур рекомендовал Раевскому на учебу способных молодых людей, о чем свидетельствуют документы их переписки — письмо, написанное в сентябре 1851 года, а также последнее известное письмо, написанное в 1855 году. В первом из них (единственном письме, написанном русским алфавитом[58]) говорится:

«Батюшка! Рекомендую Вам сердечно господина Адольфа Винклера, сына очень заслуженного человека на поле нашей народности в Силезии. Он уже высоко превзошел в рисовании и хочет ехать в Россию, чтобы там изучал русское исскуство, но также чтобы своими трудами добыл средства на учебу и существование. Будьте так добры и

[52] Ibid. S. 116–117.
[53] Ibid. S. 182.
[54] *Матула В.* Людовит Штур. С. 61–62.
[55] *Matula V.* M. F. Rajevskij a slovensko-ruske vzťahy v 40.-80. rokoch XIX. stor. // Československe prednašky pre VII. medzinarodny zjazd slavistov. Varšava, 1973. S. 379.
[56] Listy Ľudovita Štura / Vyd. V. Matula. D. IV. S. 30.
[57] Ibid. S. 163.
[58] Ibid. S. 199.

дайте ему нужные письма в Россию для этого и позаботесь, чтобы молодой славянский художник получил в великой России то, что сейчас у нас получить не может: признание и средства. Будьте с Богом и незабывайте Вашего. В Навси в Силезии 1851 д. 16./9. Искренне Людовита Штура»[59].

Во втором Штур пишет следующее:

«Батюшка! Вы хотели когда мы месяца Мая были здесь одно, чтоб бы Вам я препоручил некоторых Словаков. Теперь я это делаю. Братья Мудроны, которые теперь приходят в Вену в Университет, достойны всякой Вашей любови и я прошу Вас дарить им ее. Мы жалостны и незнаем утешиться. Простите и не забудьте Вашего в Пресбурге искреннего 1855 27/14 Октобря Люд. Штура» [60].

Именно через Раевского Штур посылал в 1855 г. великому князю Константину Николаевичу (младшему брату царя) свой трактат «Славянство и мир будущего»[61]. Как свидетельствует письмо от 30 июня 1855 г., Штур, исходя из сложившейся политической ситуации в России после восхождения на престол Александра II, надеялся возбудить интерес к славянскому вопросу и привлечь российские власти к более активной политике в пользу славянских народов.[62] Трактат был написан на немецком языке и первый раз был опубликован в русском переводе в 1867 году[63], спустя одиннадцать лет после смерти словацкого деятеля (Штур умер 12 января 1856 г. в результате полученного на охоте ранения) и лишь в 1993 по-словацки[64].

Полная картина отношений Л. Штура с российскими учеными, писателями и мыслителями еще не реконструирована. Например, очень мало известно о путешествии Прейса по Словакии, в котором он находился примерно в то же время, что и Бодянский и Срезневский, и о контактах в это время Прейса со Штуром. Как свидетельствуют найденные документы, возможны его личные связи с Пановым и Надеждиным.

Нельзя не отметить, что взаимодействие российских славистов с Людовитом Штуром, одним из лидеров словацкого национального движения, сыграло важную роль в расширении знаний о Словакии и развитии славистики в России. С другой стороны, моральная поддержка со стороны российских ученых помогла Л. Штуру в столь важном вопросе для словацкого национального возрождения, каким было создание нового литературного языка.

Кроме того, эти контакты способствовали более близкому знакомству словацкой интеллигенции с российской культурой, наукой и российскими реалиями тех времен. К сожалению, связи Л. Штура с российскими учеными и мыслителями, его вклад в развитие российско-словацких отношений до сих пор освещались недостаточно как в Словакии, так и в России. Необходимы дальнейшие исследования и тщательный объективный анализ деятельности этого выдающегося словацкого мыслителя.

---

[59] Ibid. S. 175–176.
[60] Ibid. S. 58.
[61] Ibid. S. 197.
[62] *Matula V.* M. F. Rajevskij a slovensko-ruske vzťahy... S. 380.
[63] Ibid. S. 379.
[64] *Bednar M., Bednarova M.* Tvorba a dielo Ľudovita Štura // www.stur.sk/dielo.htm (последнее посещение 02 февраля 2007 г.)